

⁴ См.: Zimmerman J. F. Participatory Democracy. Populism Revived. N.Y.: Praeger Publishers, 1995. P. 7-13; Модель И.М., Модель Б.С. Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия к социальному партнерству. Екатеринбург: УрО РАН, 1998; Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Политические исследования. 1993. № 4. С. 115-124; Он же. Новейшие тенденции в изучении гражданского общества и государства // Политические исследования. 1998. № 1; Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Се-

мененко И.С. Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

⁵ См.: Anticipatory democracy: People in the politics of the future. N.Y., 1978; Тоффлер Э. Шок будущего (футуршок). <http://multure.narod.ru/help/pr/toffler1.html>

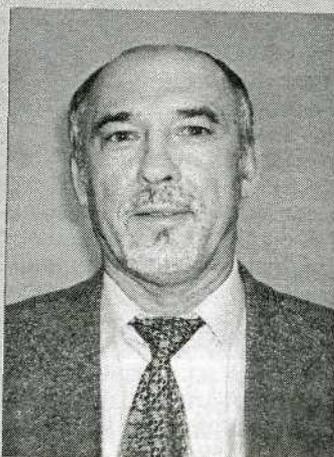
⁶ См.: Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. № 5. С.51. Там же.

⁸ См.: Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. С. 33-39.

ВЫЗОВЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ МАРГИНАЛЫ В ПОЛИТИКЕ

**А.В.Гайда,
В.В.Китаев**

Гайда
Анатолий
Войсехович —
доктор
философских наук,
профессор,
заместитель
руководителя
Администрации
губернатора
Свердловской
области,
директор
департамента
социально-
политического
прогнозирования

Китаев
Виктор
Васильевич —
кандидат
философских
наук,
доцент,
консультант
департамента
социально-
политического
прогнозирования
Администрации
губернатора
Свердловской
области

Социально-политическая толерантность предполагает достижение в обществе взаимосогласованности господствующих политических и жизненных ценностей и установок ведущих социальных, профессиональных, демографических, гендерных групп и слоев.

По существу говоря, социально-политическая толерантность — это постоянный процесс достижения ценностного мира между различными ус-

ремлениями ведущих социально-политических акторов общественного развития.

Для того, чтобы этот сложный и противоречивый процесс достижения, зачастую, весьма хрупкого ценностно-аксиологического согласия осуществлялся и приносил требуемые результаты, нужны объективные детерминанты, определенные социально-экономические предпосылки и условия. К таковым — в первую очередь — относятся социальная и экономическая стабильность, устойчивость положения социальных групп и слоев, обеспечение условий для их реального участия во взаимовыгодном социальном партнерстве. Сюда же относятся политическая стабильность, гарантированность политического участия и электорально-волеизъявления.

Не менее важным для достижения ценностного согласия является действие субъективных факторов. Они включают в себя, прежде всего, соответствие динамики и векторов общественного развития интересам и ожиданиям социальных групп и слоев, наличие у них политической воли для участия в конструктивном общественном диалоге, в котором рождается созвучие разнонаправленных социально-политических устремлений и требований.

Из современной мировой и отечественной практики известно, что наиболее сложно и конфликтно становление социально-политической толерантности идет в изменяющемся социуме — обществе транзитивного типа.

В такого типа обществах образуется достаточно многочисленный и, как правило, весьма радикализированный, социально безответственный и «громкоголосый» слой социальных маргиналов. Это — люди, выбитые из своих исконных социальных ячеек, утратившие связь со своими традиционными корнями, потерявшие привычные устойчивые ориентиры и еще не нашедшие новые в новом социальном мире, который кажется им чуждым, враждебным и в чем-то даже ненавистным.

Социальные маргиналы не имеют достаточно жесткой адресной социальной «прописки». Этот слой находится в своеобразном социально-дисперсном состоянии. Социальная маргинальность может быть присуща люмпену и мелкому лавочни-

ку, интеллигенту и предпринимателю, служащему в муниципальном учреждении и рабочему в фермерском хозяйстве.

Социальная маргинальность — это, главным образом, социально-политический феномен. Сущностью этого феномена является консолидация довольно разнородных социальных групп и слоев на почве неприятия и отторжения становящихся новых форм социального бытия, нового уклада общественной жизни. Оторванные от своих корней, люди ощущают себя своеобразным «перекасти-поле». Они не знают, куда влечет их рок событий.

Социальная маргинальность означает амбивалентность социально-политического статуса ее носителей. Это — люди, которые уже порвали со старым социальным укладом, но еще не пришли к новому, не приняли его и противятся ему в силу еще до сих пор неизжитых личностных представлений, норм мировосприятия и жизненных стратегий. Для такого социального состояния неизбежным становится поиск «третьего пути» — такого варианта общественного развития, который не будет рецидивом прошлого, с которым социальный маргинал уже расстался, и в то же время будет отличаться от нынешнего миропорядка. Чем будет на практике этот самый «третий путь» — об этом социальный маргинал не заглядывает. Им движут, скорее, иррациональные побуждения, в которых голос разума заглушается доминирующими настроениями социальной заброшенности, враждебности и отторжения.

В этих своих проявлениях социальная маргинальность является сильнейшим деструктивным и дестабилизирующим социально-политическим и морально-психологическим фактором. Само по себе состояние маргинальности является психологически деструктивным. Оно пагубно сказывается на личностной и социальной психологии.

В свое время В. Ленин нашел емкое и хлесткое публицистическое обозначение для современного ему типа социального маргинала — «взбесившийся мелкий буржуа». Взбесившийся от ужасов безудержной полуфеодальной капитализации, от бойни первой мировой войны, от ощущения собственной социальной никчемности и неприкаян-

ности. Этот слой социальных маргиналов столыпинскими реформами был оторван от традиционных общинных уз и устоявшейся сословности, оказался в урбанистическом горниле капиталистической индустриализации и был брошен в самое пекло мировой и гражданских войн. Правда, В. Ленин сумел предложить этому мятущемуся социальному слою достаточно привлекательную для него идеологию и программу действий, консолидировать этот слой вокруг себя и направить его мощную деструктивную энергию в нужное русло, указав «третий путь» в большевистской политической теории и практике.

Современная российская политическая практика показывает, что достижение социально-политической толерантности невозможно без всестороннего и объективного учета фактора социальной маргинальности в социально-политической жизни общества.

Айсберг социальной маргинальности уже появился в современной российской политической практике. Огромный слой социальных маргиналов, образовавшийся за годы реформ, все настойчивее заявляет о своем существовании. При этом этот слой в настоящее время политически не артикулирован. Существующие политические партии и движения, практически, оказались не готовы к восприятию этого нового социального феномена.

Поэтому все чаще на политической арене появляются новоявленные идеологи, которые пытаются стать «выразителями дум» этого социального слоя, указать ему «третий путь» и возглавить движение в данном направлении. Это и Александр Дугин с его праворадикальной идеологией «третьего пути», это и Эдуард Лимонов с его «национал-большевистским» симбиозом.

На региональном уровне в Свердловской области на прошедших губернаторских выборах громко и вызывающе заявила о себе «баковщина» (образ от имени кандидата на пост губернатора Свердловской области А.А. Бакова), в которой социальная маргинальность пробует свои силы, заявляет о своих претензиях. «Баковщина» как социальное явление бросает вызов импульсам социально-политической толерантности.

В.А. Муравский

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК МОДУС ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Муравский Виктор Андреевич — кандидат юридических наук, доцент Гуманитарного университета

Проблема толерантности стала символом постиндустриального общества. Теоретический арсенал юриспруденции должен обогатиться доктриной толерантности, хотя до сих пор ее применимость к изучению нормативных явлений не признавалась в философских исследованиях. Член-корреспондент РАН В.А. Лекторский подчеркивает, что терпимость касается только того, истинность чего не может быть установлена бесспорным путем (религиозные взгляды, метафизические утверждения, специфические ценности разных культур, особенно этнические предпочтения, некоторые личные предпочтения и т. д.), моральные же нормы «могут быть неоспоримо и убедительно для всех установлены»¹. Очевидно, что данное суждение яв-